

АНИ ЕГАНЯН

ПАЦИЕНТ НОМЕР СЕМНАДЦАТЬ

Ани Еганян

Пациент номер семнадцать

«Автор»

2026

Еганян А.

Пациент номер семнадцать / А. Еганян — «Автор», 2026

Норвежский психиатр Лукас Берг получает нового пациента — молчаливого мужчину из палаты 17. На первой же беседе тот признаётся в одиннадцати убийствах. Проблема в том, что все его предполагаемые жертвы живы. Лукас считает это бредом тяжёлого пациента, пока одна из названных женщин не погибает именно так, как было описано заранее. Когда в списке появляется имя его жены, дело перестаёт быть врачебным наблюдением и превращается в гонку со временем. Расследование приводит Лукаса к тайнам старой психиатрической клиники, поддельным медицинским архивам и событиям, которые много лет считались забытыми. Но чем ближе он к разгадке, тем страшнее становится правда: убийца знает о нём гораздо больше, чем должен.

© Еганян А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Дверь	6
Глава 1. Одиннадцать живых	7
Глава 2. Слово, которое не произносят	9
Глава 3. Анна Нордли	10
Глава 4. Одиннадцать подписей	12
Глава 5. Квартира с видом на воду	14
Глава 6. Обед на троих	16
Глава 7. Комната без номера	18
Глава 8. Человек, которого узнали	20
Глава 9. Белая лестница	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ани Еганян

Пациент номер семнадцать

ПАЦИЕНТ

НОМЕР СЕМНАДЦАТЬ

Ани Еганян

Психологический детективный роман

«Один человек не становится неправым

только оттого, что он один».

Пролог. Дверь

Сундхольм, западное побережье Норвегии. Ноябрь 2008 года.

Когда погас свет, Ида сначала обрадовалась.

В темноте исчезали белые стены, расписание на двери и квадратное окошко, через которое за ней наблюдали. Можно было представить, что она не в центре, а дома, под одеялом, и мать скоро принесёт горячее молоко. Но через несколько секунд из коридора раздался металлический щелчок. Ида вскочила с узкой кровати.

— Меня слышно? — спросила она.

Никто не ответил. Где-то далеко хлопнула дверь. Потом раздался смех — короткий, нервный, почти детский. От него Иде стало страшнее, чем от тишины.

Днём все одиннадцать сказали, что это она виновата. Анна опустила глаза. Эрик смотрел в пол. Томас заплакал прежде, чем подошла его очередь, и произнёс то, что ему велели. «Она хотела нас напугать». «Она всё выдумывает». «Ей нельзя верить».

Доктор Нюстад называла это упражнение проверкой доверия.

Ида называла это предательством.

— Я больше не буду спорить, — громко сказала она, обращаясь к окошку. — Только откройте.

За дверью послышались шаги.

— Пожалуйста.

Женский голос ответил спокойно, как на обычном утреннем обходе:

— Иногда человек должен остаться один со своими последствиями.

В коридоре запахло чем-то горелым. Ида прижала ладонь к дверной щели. Воздух был тёплым. Она поняла, что это уже не часть игры, когда услышала, как на другом этаже забили окна.

— Здесь дым! — закричала она. — Вы слышите? Здесь дым!

Шаги удалились.

Ида принялась стучать кулаками, пока не содрала кожу. Она не знала, сколько прошло времени, когда внизу хлопнула другая дверь и кто-то побежал обратно по коридору. Мужчина кашлял, ругался и звал её по имени.

— Отойди от двери, Ида! Я здесь.

Она сделала шаг назад.

А потом случилось то, чего она не могла простить себе впоследствии: вместо того чтобы побежать к голосу, она вдруг решила, что это ещё одно испытание.

И не двинулась с места.

Глава 1. Одиннадцать живых

Берг, 20 октября 2026 года.

Доктор Лукас Берг не любил, когда новые пациенты начинали разговор с признания. Признание предполагало виновного, а виновному редко нужен был врач. Обычно человеку требовался свидетель, который выдержал бы его слова и не закрыл глаза.

Мужчина напротив сидел, положив ладони на колени. На вид ему было около шестидесяти: рыжеватые седые волосы, вытертое тёмное пальто, мокрые ботинки. На запястье проступала тонкая белая полоска старого шрама. Он пришёл без направления, попросил осмотра в приёмном отделении, рассказал дежурному врачу о бессоннице и страхе причинить себе вред. По решению врача его оставили на добровольное краткосрочное наблюдение, а утром передали Лукасу.

— Я убил одиннадцать человек, — произнёс незнакомец.

Лукас посмотрел на часы и удержался от желания посмотреть ещё раз.

— Когда это произошло?

— В две тысячи восьмом.

— Вы были осуждены?

— Нет.

— Почему?

Мужчина впервые поднял глаза. Они были удивительно ясными.

— Потому что они ещё живы.

Лукас открыл блокнот. В коридоре прошла тележка с завтраком, кто-то громко засмеялся, и эта обычная больничная жизнь внезапно показалась неуместной.

— Давайте начнём с вашего имени.

— Элиас Валь.

— Вы хотите сказать, что чувствуете ответственность за судьбы одиннадцати человек?

— Нет. Я хочу сказать, что сегодня они живы. А завтра одна из них умрёт.

Элиас извлёк из внутреннего кармана сложенный лист бумаги. На листе аккуратным, почти школьным почерком стояли имена. Лукас прочитал первые три: Анна Нордли, Эрик Танген, Сельма Фосс. Дальше шли Миккель Брюне, Ивар Лунд, Фрида Вик, Йонас Эйде, Ханна Роальд, Оскар Ньюгрод, Ребекка Даль и Томас Хауге.

— Кто эти люди?

— Те, кого заставили перестать верить собственным глазам.

— Вы им угрожали?

— Если бы я им угрожал, доктор, я бы не сидел здесь.

— Кто тогда угрожает?

Валь крепко сжал ладони. В тишине можно было услышать тихое жужжание лампы.

— Человек, который знает, что вы мне не поверите.

Лукас изучил собеседника. Элиас не производил впечатления возбужденного или дезориентированного. Он назвал дату, адрес и имена без запинки. Но спокойная речь не делала его рассказ правдой — так же, как странный рассказ не делал его больным.

— Откуда вы знаете, что кто-то умрёт завтра?

— Мне прислали фотографию. И написали, кто будет первым.

— Где она?

— Спрятана.

— В полиции вы были?

— Боюсь, сначала они должны увидеть мёртвую женщину.

Лукас закрыл блокнот. Фраза о ближайшем убийстве уже не укладывалась в границы обычной консультации. Он попросил Элиаса остаться в кабинете, вышел к старшей медсестре и связался с руководителем отделения. Вместе они обсудили риск, который нельзя было игнорировать. После этого Лукас сообщил полиции необходимое для предотвращения возможного тяжкого преступления: угрозу, имя предполагаемой жертвы и данные человека, который о ней рассказал. Он не пересказывал всю медицинскую историю.

Вернувшись, он обнаружил, что Валь смотрит на семейную фотографию у окна. На ней Майя, жена Лукаса, смеялась с закрытыми глазами. Её волосы летели от морского ветра; кадр был сделан летом, до того как они научились молчать за ужином.

— Красивая женщина, — сказал Элиас.

— Это моя жена.

Валь медленно поднялся.

— Тогда времени у нас меньше, чем я думал.

Глава 2. Слово, которое не произносят

В квартире над старой пекарней Майя Берг слушала, как из водосточной трубы капает дождь. Она могла определить погоду по звукам дома с закрытыми глазами: мелкий дождь шуршал по жестяному козырьку, сильный бил прямо в подоконник. В этот вечер он не прекращался ни на минуту.

На столе лежала коробка с письмами, которую она принесла из городского архива. Майя работала реставратором бумажных документов. Её дело заключалось не в том, чтобы узнавать чужие тайны, а в том, чтобы не дать бумаге окончательно рассыпаться прежде, чем её прочтут. И всё же бумага говорила. Иногда даже слишком громко.

Сегодня в коробке нашлась фотография старого здания на острове. Дом был двухэтажным, с белой верандой, которую штормы превратили в серую. На обороте кто-то написал карандашом: «Сундхольм. Северный корпус».

Майя вдруг почувствовала едва заметный привкус железа. Она оставила фотографию на столе и вымыла руки. Потом ещё раз. Из открытого крана лилась вода, но пальцы продолжали казаться испачканными.

Телефон зазвонил в половине восьмого.

— Я задержусь, — сказал Лукас.

— Ты опять не успеваешь к ужину?

— У нас срочная ситуация.

Она посмотрела на часы в кухне. Каждый раз, когда он произносил эту фразу, Майя слышала другое: «Сейчас есть кто-то важнее тебя».

— Хорошо. Еда в холодильнике.

Он помолчал.

— К тебе сегодня никто не приходил?

— Нет. Почему?

— Просто спросил.

— Лукас, ты ведь не просто спросил.

— Я объясню, когда вернусь.

Она хотела сказать, что эти его обещания становятся похожи на открытки из города, где он никогда не был. Но за окном проехала машина, свет фар скользнул по фотографии, и Майя вдруг вспомнила запах мокрой шерсти. Чужой голос считал до трёх. За окном было море, и дверь никак не открывалась.

— Майя? — спросил Лукас. — Ты слышишь?

— Да. Возвращайся осторожно.

После разговора она проверила надпись на обороте снимка. В углу, где бумага была надорвана, сохранился кусочек круглой печати: «Центр восстановительных программ для подростков». Датировка — 2008 год.

Всю жизнь Майя говорила, что не помнит почти ничего до четырнадцати. Это было не совсем правдой. Она помнила отдельные вещи слишком хорошо: холодную поверхность дверной ручки, вкус разбавленного какао, тяжёлое одеяло, которое надо было складывать без складок. Просто ни одна из этих вещей не складывалась в прошлое, пригодное для рассказа за семейным столом.

Она вытащила из ящика пачку фотографий собственной свадьбы. Среди гостей стояла профессор Сири Нюстад, наставница Лукаса. Тогда Сири взяла Майю за руку и сказала: «Надеюсь, у вас теперь будет спокойная жизнь».

Тогда это прозвучало как пожелание.

Теперь Майя услышала в нём просьбу.

Глава 3. Анна Нордли

Утром инспектор Ингрид Сольхейм приехала в клинику раньше половины девятого. Её ботинки оставили на полу мокрые следы. Плащ, который когда-то считался непромокаемым, пах дождём и сигаретным дымом коллег, хотя сама Ингрид не курила уже семь лет.

— У меня к вам вопросы, доктор Берг, — сказала она без приветствия. — И желательно без психиатрического словаря.

Лукас пересказал разговор с Элиасом, отделяя прямые цитаты от собственных предположений. Ингрид внимательно посмотрела список.

— Зачем вы сообщили нам именно про Анну Нордли?

— Пациент сказал, что она будет первой. Это конкретная угроза. Я не могу проверить, правда ли он её получил, но не имею права ждать.

— Вы видели фотографию?

— Нет.

— Он может её показать?

— Попрошу. Если он согласится.

Ингрид вытащила телефон. Дежурный сообщил, что Анне Нордли, тридцати четырёх лет, живущей в Осёйро, несколько раз звонили со вчерашнего дня. Ответа не было. По адресу направили патруль.

Пока они ждали, Ингрид заметила приколотую к доске детскую картинку: кит с таким сердитым выражением, будто он проиграл спор. Она сказала, что у неё дома точно такие же висят на холодильнике. Лукас впервые представил, что у инспектора существует кухня и кто-то, кого она ждёт по вечерам.

— Вам не кажется странным, — спросила Ингрид, — что он выбрал именно вас?

Лукас мог бы ответить, что дежурство назначили заранее. Но пациент смотрел на фотографию Майи, словно знал её давно.

— Кажется, — сказал он.

В десять семнадцать телефон Ингрид завибрировал.

Она выслушала сообщение, отвернувшись к окну и спросила собеседника, кто первым вошёл в квартиру. Потом попросила никого не трогать до прибытия криминалистов.

— Анна Нордли мертва, — сообщила она. — Её нашли на полу в ванной. Признаков очевидной естественной смерти нет. Пока больше я утверждать не буду.

Лукас невольно представил, как накануне поставил галочку напротив слова «риск» в клинической форме. Глупое слово, будто риск — это вероятность дождя, а не чьё-то тело на кафеле.

— Вы говорили ей, что ей угрожают?

— Полиция пыталась связаться, — сухо сказала Ингрид. — Никто не ответил. И давайте не будем строить картину задним числом.

— Я хотел сказать...

— Знаю, что хотели. Теперь мне нужно поговорить с вашим пациентом. Если он не захочет добровольно дать показания, мы решим этот вопрос установленным порядком.

Они поднялись на второй этаж. В коридоре пахло кофе и апельсиновым мылом. Элиас Валь сидел у окна, где вчера виднелась только стена соседнего корпуса. Увидев выражение лица Ингрид, он не спросил, что произошло.

— Она умерла, — сказал он.

— Откуда вы знаете? — спросила инспектор.

— Потому что первую ночь они всегда оставляют тебе надежду.

— Кто — они?

Валь медленно провёл пальцем по подлокотнику кресла.
— Те, кто научил нас молчать.

Глава 4. Одиннадцать подписей

Ингрид принесла маленький диктофон, раскрыла протокол и объяснила Элиасу, что беседа добровольная. Он согласился говорить при Лукасе, попросив не давать ему успокоительных до окончания разговора.

— Вам назначают лечение по показаниям, — заметил Лукас. — Не за то, что вы рассказываете.

Элиас коротко улыбнулся.

— В Сундхольме нам говорили то же самое.

Ингрид подняла голову.

— Сундхольм? Старый центр на острове?

— Он назывался реабилитационным. Нас учили правильным ответам, а потом записывали, что мы их дали добровольно.

— Кто такие «мы»?

— Одиннадцать подростков. И ещё одна девочка.

Лукас выпрямился. Имена из списка почти все принадлежали людям тридцати с небольшим лет. Когда Элиас сказал «убил», врач представил взрослых жертв. Теперь перед ним стояла другая картина — дети, которым кто-то выдал недействительный пропуск во взрослую жизнь.

— Какую роль вы там выполняли? — спросила Ингрид.

— Ночной помощник по уходу. Не психиатр, не руководитель. Но бумаги я подписывал. Иногда ставил время задним числом, иногда писал, что ребёнок не жаловался, хотя прекрасно слышал его крик. За каждую такую подпись платили обычную зарплату. Страшно, правда? Цена человека иногда равна стоимости проезда домой.

— Вы говорили, что убили их.

— Я помог записать, что они не заслуживают доверия. Одиннадцать подростков свидетельствовали о том, что случилось в ту ночь. А я подтверждал, будто у них общая склонность придумывать истории и заражать друг друга фантазиями. Их письма родителям задерживали. Жалобы возвращались обратно в центр. Кто-то потом нашёл силы построить жизнь, а кто-то до сих пор боится белых стен. Можете назвать это иначе, если вам легче.

— Но Анна Нордли была убита буквально, — сказала Ингрид.

— Я знаю.

— Откуда?

Элиас закрыл лицо ладонями. Потом достал из брюк потертый конверт, который был прошит ниткой по разрыву.

Внутри лежала фотография группы подростков на ступеньках белого дома. Часть детей щурилась от солнца. Снимок казался безобидным, пока Ингрид не перевернула его. На обороте были напечатаны три короткие строки:

«ПЕРВАЯ — АННА. ВТОРОЙ — ЭРИК. ПОСЛЕДНЯЯ — ДЕВОЧКА ИЗ СЕМНАДЦАТОЙ».

— Когда вы это получили?

— В воскресенье, восемнадцатого октября. Оставили у двери.

— Вы не обратились в полицию?

— Девятнадцать лет назад я обратился к одному человеку, который должен был защитить детей. Он назвал меня неустойчивым свидетелем. Мне казалось, что я снова услышу именно это. Я подумал: если попаду в больницу добровольно, всё станет официальным.

Ингрид осмотрела конверт за края и отложила для криминалистов. Она не стала обещать, что бумага обязательно даст отпечатки или адрес отправителя. Такого рода уверенность принадлежала телевидению.

— Кто девочка из семнадцатой?

Элиас перевёл взгляд на Лукаса.

— Спросите вашу жену, доктор. Только, пожалуйста, не спрашивайте, почему она столько лет вам не рассказывала.

Когда они вышли, Лукас почувствовал ярость. Не на Элиаса — на чужого человека, который пришёл в его кабинет и словно получил право говорить о Майе без её разрешения. Ингрид, заметив это, остановилась у лестницы.

— Сейчас вы не следователь, доктор Берг.

— Я и не собирался им быть.

— Тогда и не становитесь. Сделайте то, что можете: поезжайте к жене и скажите, что мы обеспечим ей безопасность.

— А вы?

— А я выясню, кто знал, что Анна умрёт, до того как это случилось.

Глава 5. Квартира с видом на воду

Анна Нордли жила над магазином рыболовных снастей. Узкое окно её квартиры выходило на пролив. По стене в кухне шла трещина, которую хозяйка когда-то заклеила полоской жёлтых обоев. В прихожей стояли две пары обуви: рабочие кроссовки и красивые туфли с затёртыми каблуками. Ингрид всегда замечала подобные вещи. Они говорили о человеке не меньше, чем отпечатки пальцев.

Судебно-медицинский эксперт Ханне Вест уже осмотрела тело, когда Ингрид вошла. Врач не стала строить догадок о причине смерти на месте. Она лишь сказала, что некоторые следы вызывают вопросы и понадобится вскрытие. Обнаруженную возле ванны разбитую чашку сфотографировали и описали, как и каждую каплю воды на полу. Ингрид не стала называть происшествие убийством в разговоре с соседями: следствие должно было доказать это, а не привыкнуть к удобной версии.

На кухонном столе лежал чек на покупку флеш-накопителя. Рядом — список дел: «позвонить Эрику», «копия», «пятница, 14:00». Под словом «копия» были три раза проведены карандашом черты.

— Пятница ещё не наступила, — заметил молодой следователь Юнас Меланд.

— Значит, она собиралась кому-то что-то передать, — ответила Ингрид. — Или обещала себе. Мы пока не знаем.

На телефон Анны приходили сообщения от неизвестного абонента. Последнее, отправленное в понедельник вечером, гласило: «Не делай этого. Ты помнишь, что произошло с Идой». Номер был оформлен через зарубежный интернет-сервис; установить отправителя за несколько минут не удалось. Ингрид попросила специалистов сохранить данные и направить необходимые запросы.

У постели стояла рамка с фотографией молодой женщины и пожилой пары. На обороте значилась дата — 2017. Анна улыбалась так, словно удивлялась, что после всего случившегося с ней возможен обычный день. Ингрид позвонила родителям и попросила приехать не сразу, а с кем-нибудь близким. Подобные разговоры никогда нельзя было сделать бережными до конца, но можно было не торопить людей в тот момент, когда их мир ломается.

Соседка снизу слышала около девяти вечера голос женщины. Не ссору, не крик, а чёткую фразу: «Я пришла не просить». Затем стук, словно уронили тяжёлую вещь. Соседка решила, что двигают мебель.

— Вы сможете узнать голос? — спросила Ингрид.

— Не обещаю. Стены тонкие, но голос звучал будто через воду.

Женщина смутилась. Ингрид поблагодарила её за точность: свидетель, который не додумывает, ценнее свидетеля, который слишком старается помочь.

После полудня сотрудники проверили записи камер в переулке. У магазина на углу одна камера была направлена на кассу, другая — на парковку. В период, который интересовал следствие, у дома останавливался серый автомобиль. Лицо водителя не просматривалось. Экспертам предстояло сравнить детали машины, а не искать преступника по размытому кадру.

Ингрид вернулась к фотографии у кровати. На заднем плане виднелась церковь, а возле Анны стоял молодой мужчина с тёмными глазами. На отдельном снимке он держал её за руку. Не муж: в квартире не было ни следов совместного быта, ни чужих вещей. Возможно, брат или друг.

Телефон завибрировал. Юнас нашёл в почте Анны неотправленное письмо. Адресат: Сири Нюстад, директор отделения клиники «Фьордхейм».

Тема письма состояла всего из двух слов: «Я помню».

В тексте было написано: «У меня сохранилось то, что вы приказали уничтожить. Если вы не ответите до пятницы, я передам запись журналистам».

Ингрид перечитала письмо трижды. Оно доказывало не убийство, а возможность шантажа, угрозы разоблачения, старого конфликта. С этого дня у женщины, занимавшей почётное место в медицинском сообществе Бергена, появлялось куда больше поводов разговаривать с полицией.

Глава 6. Обед на троих

Сири Нюстад вошла в ординаторскую с бумажным стаканчиком кофе и сообщила, что руководство уже знает о происшествии. По лицу её было трудно определить отношение к новости. Сири всегда выглядела так, словно заранее нашла правильный ответ на чужое горе. Высокая, светловолосая, в сером кардигане, она держалась прямо даже тогда, когда садилась.

— Ты поступил верно, связавшись с полицией, — сказала она Лукасу. — Не позволяй себе думать, что мог предсказать больше.

Он кивнул. Когда-то именно Сири убедила его остаться в психиатрии после трудной ординатуры. Она умела видеть в молодых врачах качества, которых они сами не замечали. Лукас обязан был ей карьерой — и, возможно, своей привычкой говорить о чувствах как о задачах, которые нужно решать.

— Ты работала в Сундхольме? — спросил он.

Сири поставила стаканчик на стол.

— Очень давно. Я консультировала одну программу. Почему спрашиваешь?

— Пациент назвал это место.

— Да? Как интересно.

Она не спросила имени пациента. Лукас заметил это и тут же попытался объяснить: как руководителю отделения, ей, вероятно, уже сообщили, кто находится под наблюдением.

— Старые программы часто вызывают сильные реакции у людей, которые прошли через них, — произнесла Сири. — Хорошо, что сегодня мы знаем больше. Хотя и сейчас делаем ошибки.

В это время в ординаторскую заглянул медбрат Томас Хауге, держа в руке пластиковый контейнер.

— Доктор, пациент Валь отказывается от обеда. Говорит, что хочет увидеть сестру.

— У него есть сестра? — спросил Лукас.

Томас не ответил. Взгляд Сири на секунду задержался на контейнере, словно она решала, следует ли что-то возразить.

— Поговори с ним, — сказала она Лукасу. — И, пожалуйста, не пытайся выяснить у него всё сразу. Люди могут принять наше любопытство за заботу.

После её ухода Томас не двинулся с места.

— Вы видели список? — тихо спросил он.

— Какой список?

— Тот, что принёс Валь.

Лукас не ответил. Его молчание было достаточно красноречивым. Томас опустил глаза.

— Там есть моё имя, да?

— Томас, если ты хочешь рассказать о своём опыте, я готов выслушать. Но пациентские сведения обсуждать не могу.

— И правильно. — Томас впервые посмотрел врачу прямо в лицо. — Научитесь только отличать молчание, которое защищает, от молчания, которым прикрываются.

В полдень они встретились в больничном саду. Сири, Томас и Лукас за одним столом под стеклянным навесом. Ветер тряс ветви яблони, оставляя на дорожках мокрые листья.

Сири рассказывала, что городской совет рассматривает новую систему помощи детям с травматическим опытом. Томас сосредоточенно крошил хлеб. Лукас слушал обоих и впервые видел между ними напряжение, которое обычно проходило мимо него.

— Сундхольм был экспериментом? — спросил он.

— Это громкое слово, — ответила Сири. — Мы пытались помочь трудным подросткам.

— Кому именно?

— Людям, которым никто не сумел помочь раньше.

Томас положил нож.

— Не все просили о помощи, — сказал он.

Сири улыбнулась слишком быстро.

— Томас, мы с тобой уже обсуждали, что прошлое нельзя прожить заново.

— Нет. Мы обсуждали, что о нём нельзя говорить.

Он встал и ушёл, не тронув суп.

Лукас проводил его взглядом. Сири взяла стаканчик и несколько секунд покрутила его между ладонями.

— Бывает, что человеку легче считать себя жертвой системы, чем принять собственные решения, — произнесла она.

И только вечером Лукас понял, что за день слышал почти те же слова от двух людей. Один называл их объяснением. Другой — обвинением.

Глава 7. Комната без номера

Ингрид приехала к Лукасу домой вечером в сопровождении коллеги. Для Майи было непривычно, что в их прихожей стоят двое вооружённых сотрудников, хотя оружие оставалось скрытым под одеждой. Инспектор представилась, объяснила, что произошло, и попросила не оставаться одной, пока проверяются угрозы. Она предложила временное охранное сопровождение, а также прямую связь с полицией.

— Меня собираются убить? — спросила Майя так спокойно, что Лукас испугался.

— Есть сообщение, в котором вы можете быть упомянуты косвенно, — ответила Ингрид. — Мы не знаем, кто его отправил. Это достаточно серьёзно, чтобы принять меры, но недостаточно, чтобы я говорила вам, будто знаю больше.

Майя слушала, скрестив руки на груди. Когда Ингрид показала снимок детей на ступенях Сундхольма, она не ахнула и не отпрянула. Лишь взяла фотографию двумя пальцами, как старую ломкую бумагу.

— Это была осень, — сказала она.

— Снимок сделан летом, — заметил Лукас. На заднем плане цвели кусты.

— Я не про фотографию. Я про то, что случилось потом.

Ингрид присела напротив.

— Вам знакомы люди на снимке?

— Некоторые. Анна сидит слева. Эрик за её спиной. Томас рядом с перилами.

— Вы были там?

Майя закрыла глаза.

— Меня звали Идой.

Лукас почувствовал, как у него в животе образовалась пустота. Двенадцать лет совместной жизни, бесчисленные разговоры, прогулки, болезни, ссоры из-за мусора и денег — и он впервые услышал, что имя его жены раньше было другим.

— Почему ты не говорила? — спросил он.

Она не повернула головы.

— Потому что это был не рассказ про детство. Это был рассказ о том, что со мной сделали взрослые, которым все доверяли.

Ингрид не перебивала.

— После Сундхольма меня взяла под опеку Эстер Линд, — продолжила Майя. — Мы законно сменили моё имя через несколько лет. Я хотела начать заново. Не скрываться, а просто жить. Эстер умерла пять лет назад. Я думала, все документы остались у неё.

— Почему ты выбрала профессию реставратора? — спросила Ингрид.

Майя посмотрела на коробку архивных снимков. В её улыбке не было радости.

— Когда я была маленькой, мне говорили, что бумага не ошибается. Если в деле написано, что я лгу, значит, я лгу. Я захотела узнать, кто имеет право писать такие вещи.

— Есть кто-то, кому вы доверяли в центре?

— Элиас. Он вынес меня из северного корпуса. Больше никому.

Лукас наконец понял, почему Валь смотрел на его свадебную фотографию: он узнал девочку, которую когда-то спас. И, возможно, решил воспользоваться мужем, чтобы защитить её вновь.

— Ты встречалась с ним после того? — спросил он.

— Нет. Только получила письмо несколько лет назад. Я не ответила.

Ингрид попросила показать письмо, если оно сохранилось. Майя покачала головой: оно лежало у Эстер, а после её смерти коробки разобрали. Инспектор записала это, не превращая забывчивость в подозрение.

Когда полицейские ушли в соседнюю комнату обсудить сопровождение, Лукас остался с Майей на кухне. Он хотел обнять её, но остановился, потому что впервые за годы не знал, имеет ли право.

— Ты могла рассказать мне, — сказал он.

— А ты мог не задавать этот вопрос первым.

Он посмотрел на неё, и эта короткая фраза оказалась тяжелее всех рассказов о прошлом. Психиатр, привыкший слушать пациентов, слушал любимую женщину так, будто она обязана была представить отчёт о собственной боли.

— Прости, — сказал он.

Она кивнула, не приблизившись.

Глава 8. Человек, которого узнали

Вечером того же дня Ингрид пригласила на беседу Эрика Тангена. Он приехал из Восса на поезде, с небольшой сумкой и руками, которые никак не могли перестать двигаться. Эрику было тридцать пять; он руководил мастерской по ремонту лодочных моторов, недавно женился и постоянно проверял телефон, ожидая сообщения от жены.

— Анна звонила мне три раза, — сказал он. — Я не ответил. Мы поссорились.

— Из-за чего?

— Она хотела всё опубликовать. Говорила, что нашла запись. Я сказал: не надо, у нас же получилось жить дальше. А она спросила, какое «дальше», если каждый вечер мы возвращаемся туда во сне.

Ингрид попросила описать запись.

— Мой отец когда-то подарил мне маленький диктофон. Я носил его в кармане куртки, потому что боялся забыть, что мне говорят. В Сундхольме у нас забирали личные вещи, но иногда мы прятали их друг у друга. В ту ночь Анна взяла диктофон. Потом кто-то спрятал его в старой коробке. Долгие годы мы считали, что запись пропала.

— Кто мог знать, что она нашлась?

— Я. Анна. Возможно, доктор Нюстад: Анна написала ей письмо. И... — Эрик запнулся.
— Томас. Мы звали его, когда не могли договориться.

— Вы продолжали общаться с Томасом?

— Изредка. Он теперь работает в клинике. Говорит, что так легче исправить прошлое.

Эрик снова посмотрел на телефон.

— Вы нашли того, кто убил Анну?

— Нет, — ответила Ингрид. — Но мы проверяем связи между событиями. Есть основания считать, что опасность может угрожать вам. Я рекомендую принять предложенные меры безопасности и не уезжать без связи с нами.

Он долго молчал. Потом кивнул, попросив прежде всего предупредить жену. Полиция организовала ему временное безопасное размещение до дальнейших решений. Эрик сообщил, что в его мастерской лежит коробка со старыми вещами из центра, и попросил привезти её официальным порядком. Юнас записал адрес, договорился об осмотре помещения при согласии владельца и не отпустил Эрика одного.

Когда Эрик уже уходил, он обернулся.

— Вы знаете, какой вопрос нас заставили тогда задавать Иде?

— Нет.

— «Почему нам следует верить тебе, если все остальные говорят обратное?» Она ответила: «Потому что один человек не становится неправым только оттого, что он один».

На мгновение Эрик улыбнулся, как человек, которому показали давно потерянную фотографию.

— Мы тогда рассмеялись. Все одиннадцать. Не потому, что она сказала что-то смешное. Потому что нам разрешили.

Ингрид не нашла ответа. Она видела на работе достаточно взрослых, которые с готовностью выполняли просьбу сильного человека, даже когда просьба причиняла вред. Но здесь речь шла о детях.

Перед сном она позвонила сыну. Он был у её бывшего мужа, готовился к контрольной по математике и раздражённо попросил не задавать вопросов о школе. Ингрид хотела возразить, но почему-то ответила:

— Хорошо. Просто хотела услышать твой голос.

Он удивился, пробормотал «пока» и повесил трубку. Ингрид сидела в тёмном кабинете и думала о том, сколько раз дети произносят правду прежде, чем взрослые решают, что они не заслуживают доверия.

Глава 9. Белая лестница

В областном архиве сохранилось больше следов Сундхольма, чем ожидали следователи. Не само медицинское дело детей: доступ к таким сведениям был ограничен, а часть материалов требовала отдельного законного основания для получения. Но публичные отчёты об учреждении, его лицензиях, договорах и финансировании существовали. Ингрид направила запросы и получила разрешённые материалы через надлежащую процедуру. Майя, временно освобождённая от работы, не имела доступа к закрытым фондам только потому, что раньше работала с ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.